

А

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

С. П. Карпов (председатель),

*[С. С. Аверинцев], М. В. Бибииков, С. А. Иванов,
архиепископ Иларион (Алфеев), [Г. Л. Курбатов],
Г. Е. Лебедева, [Г. Г. Литаврин], [Я. Н. Любарский],
И. П. Медведев, [Д. Д. Оболенский], Г. М. Прохоров,
[И. С. Чичуров], А. А. Чекалова, И. И. Шевченко,
О. Л. Абышко, И. А. Савкин*

СВЯЩЕННИК
АЛЕКСАНДР ПРЖЕГОРЛИНСКИЙ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ

НА РУБЕЖЕ XIII—XIV вв.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ
СВ. ФЕОЛИПТА,
МИТРОПОЛИТА ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОГО

Научный редактор
кандидат исторических наук *Н. Д. Барабанов*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 261.7
ББК 86.31
П74

Священник Александр Пржегорлинский

П74 Византийская Церковь на рубеже XIII–XIV вв. Деятельность и наследие св. Феолипта, митрополита Филадельфийского / Свящ. Александр Пржегорлинский ; научн. ред. Н. Д. Барабанов. — СПб. : Алетей, 2011. — 240 с. — (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-91419-466-3

В монографии реконструируется церковно-политическая деятельность св. Феолипта, митрополита Филадельфийского (1250–1325), его богословские, аскетические и социальные воззрения. Св. Феолипт представлен, как основоположник и апологет исихастского движения в Византии начала XIV в., как неизменный борец с арсенитской схизмой на протяжении всего периода ее существования, как церковно-политический деятель, по ряду вопросов предопределивший позицию представителей константинопольской политической элиты.

На основании текстов св. Феолипта дополнена новыми фактами картина арсенитского движения, а так же обстоятельства генезиса грядущих паламитских споров. Реконструированное учение Феолипта о церкви позволило дать новое объяснение причин и движущих мотивов прекращения филадельфийским митрополитом канонического общения с патриархом константинопольским в 1310 г.

Книга включает перевод на русский язык двух антиарсенитских и двух монашеских поучений св. Феолипта.

Priest Alexander Przhegorlinsky

The Byzantine Church at the Turn of the 13th–14th centuries. The Activities and Heritage of St. Theoleptos, Metropolitan of Philadelphia. — St. Petersburg: Publishing House «Aletheia», 2011.

ISBN 978-5-91419-466-3

The monography reconstructs the ecclesiastical and political activities of St. Theoleptos, metropolitan of Philadelphia (1250–1325), his theological, ascetic and social views. St. Theoleptos is shown as the founder and apologist of Hesychast movement in Byzantium at the beginning of the 14th c., as the heresimach who fought against the Arsenite schism during the whole period of its existence, as the ecclesiastical and political figure who predetermined the position of Constantinople political elite on a number of issues.

The study of St. Theoleptos's works provides further facts to add to the description of the Arsenite movement, as well as to the genesis of the forthcoming Palamite disputes. The reconstructed ecclesiology of St Theoleptos enabled the author to offer a new explanation for the motives and reasons why the Philadelphian metropolitan broke communion with the Patriarch of Constantinople in 1310.

The book includes Russian translations of two antiarsenite and two monastic discourses by St. Theoleptos.

На форзацах: Святитель Феолипт Филадельфийский. Современная икона (слева); Святитель Григорий Палама. Современная икона (справа)

ISBN 978-5-91419-466-3

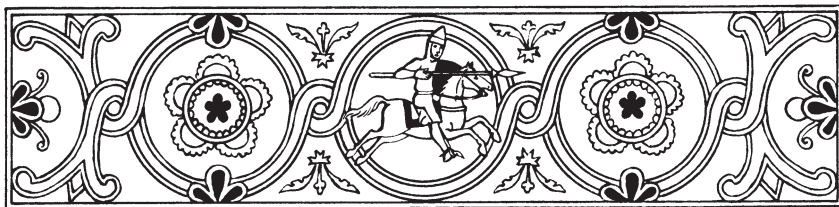

9 785914 194663

© Священник Александр Пржегорлинский, 2011

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

© «Алетейя. Историческая книга», 2011

«Чти отца твоего и мать твою»
(Исх. 20:12)

*Светлой памяти
отца моего Александра Дмитриевича
и матери моей Светланы Андреевны*

Введение

В зарубежной и в отечественной византинистике весьма актуальным представляется уяснение факта и механизмов взаимосвязи социально-экономических и политических процессов, имевших место в византийском обществе, со спецификой византийской духовности.¹ Особый в этом направлении интерес может представлять именно эпоха Палеологовского ренессанса, время со второй половины XIII по начало XV вв. Применительно к этому времени возможно говорить о сосуществовании двух противоположных динамик, а именно об экономическом и политическом кризисе и, в тоже время, о культурном возрождении, активизации интеллектуальной² и духовной жизни.³ Следует уточнить, что особенность эпохи состояла не в самом факте сочетания, но, надо думать, именно в контрастности сочетания упомянутых тенденций.

¹ *Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur.* Graz; Wien; Köln, 1965; *Хвостова К. В.* Особенности византийской цивилизации. М., 2005.

² *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976; *Fryde E.* The Early Paleologan Renaissance (1261– c. 1360). Leiden; Boston; Cologne, 2000; *Matschke K.-P., Tinnefeld F.* Die Gesellschaft im späten Byzanz Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Cologne; Weimar; Vienna, 2001. S. 221–385 (chap. 5); *Tinnefeld F.* Intellectuals in late Byzantine Thessalonike // DOP. 2003. V. 57. P. 153–172.

³ *Мейендорф И.* Жизнь и труды св. Григория Паламы: Введение в изучение. СПб.: 1997.

Хотя бы бегло воссоздадим в памяти то кризисное и, даже, плачевное состояние, в котором находилось тело Ромейской державы. Упомянутый кризис носил системный характер, то есть охватил все сферы государственного организма.¹ Упадок экономики проявился в сокращении объёмов ремесленного производства и торговли.² В торговой сфере господствовали генуэзцы и венецианцы,³ позиции которых были закреплены политическими договорами. Рынок свидетельствовал о том, что византийское ремесло по многим статьям неконкурентоспособно.⁴ Имели место порча монеты, сокращение денежного обращения.⁵ Монеты чеканились не только в Константинополе, но и в некоторых провинциальных городах, в том числе, в Филадельфии.⁶ Наличие локальных денежных систем являлось показателем кризиса не только в экономической, но и в политической сфере. О том же свидетельствовали деградация налоговой системы, хроническая нехватка денег в казне.⁷ В плачевном состоянии находилась система административного управ-

¹ Следует отметить, что представления о глубинном кризисе в последнее время подвергаются корректировке (см.: Κοντογιαννοπούλου Α. Η εσωτερική πολιτική του Ανδρονίκου Β' Παλαιολόγου (1282–1328). Διοίκηση — Οικονομία. Θεσσαλονίκη. 2004; Kontogiannopoulou A. La fiscalité à Byzance sous les Paléologues (13–15 siècles). Les impôts directs et indirects // REB. 2009. T. 67. P. 5–57; Пономарёв А.Л. Кризис, которого не было: денежно-финансовая система Византии в конце XIII — середине XIV в. // ВВ. 2008. Т. 67. С. 17–37; ВВ. 2009. Т. 68. С. 25–47).

² Charanis P. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later // BS. 1951. V. 12. P. 51; Matschke K.-P. Commerce, Trade, Markets, and Money: Thirteenth-Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, 2002. V. 2. P. 763–798.

³ Скржинская Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // ВВ. 1947. Т. 1. С. 215–234; Соколов Н. П. Венеция и Византия при первых Палеологах (1263–1328) // ВВ. 1957. Т. 12. С. 42–49.

⁴ Laiou-Thomadakis A. E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System; Thirteenth-fifteenth Centuries // DOP. 1980-1981. V. 34–35. P. 186–188.

⁵ Zakyrtinos D. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIII au XV siècle. Athènes, 1948.

⁶ Schreiner P. Zur Geschichte Philadelphias im 14. Jahrhundert (1293–1390) // OCP. 1969. V. 35. S. 412.

⁷ Ditten H. Beziehungen zwischen Spanien und den byzantinischen Bereich im Mittelalter (6.–15. Jahrhundert). Eine Kurze Übersicht. Byzantinische Beiträge, hrsg. Von J. Irmscher. Berlin, 1964. S. 260.

ления, контроль за положением дел в провинциях был ослаблен, если не утрачен.¹ Отсутствие средств в государственной казне вело к ликвидации национальной армии и переходу к системе наёмничества; роспуск же флота сделал незащищенным побережье империи.² В ряду важнейших факторов внешнеполитической ситуации следует назвать турецкую агрессию, утрату территорий, рост военных расходов, силовое давление со стороны Сербии, Генуи, Венеции,³ весьма противоречивые отношения с Римом.⁴ Дестабилизированной была и внутриполитическая ситуация; общий кризис подрывал устои и светской, и духовной властей.⁵

¹ Максимович Л. Византијска провинцијска управа у доба Палеолога. Београд, 1972.

² Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institution maritimes de Byzance aux VIII–XV siècles. Paris, 1966; Bartusis M. C. The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992; Сметанин В. А. О специфике перманентной войны в Византии в 1282–1453 гг. // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 89–101; Он же. Расходы Византии на армию и флот (1282–1453 гг.) // АДСВ. 1975. Вып. 12. С. 117–125.

³ Mavromatis L. La fondation de l’empire serbe. Le kralj Milutin. Θεσσαλονίκη. 1978; Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988; Коробейников Д. А. Византия и государство Ильханов в XIII — начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 428–473.

⁴ Laiou A. Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge. 1972; Дворкин А. Роль Византийско-Арагонского тайного союза в подготовке «Сицилийской Вечерни» // Альфа и Омега. 1984. № 2. С. 38–54.

⁵ Из событий первой четверти XIV в. достаточно вспомнить антидинастический мятеж Иоанна Дримия, гражданские войны 1320 и последующих годов. О борьбе церковно-политических группировок, на рубеже XIII–XIV вв. нарушавших церковное единство см.: Троицкий И. Е. Арсений и арсенины // Христианское чтение. 1867. № 6. С. 893–919; 1867. № 7. С. 73–98; 1867. № 8. С. 190–221; 1867. № 12. С. 920–959; 1869. № 11. С. 830–857; 1869. № 12. С. 1012–1048; 1871. № 4. С. 579–645; 1871. № 6. С. 1055–1119; 1871. № 8. С. 173–242; 1871. № 11. С. 667–714; 1872. № 11. С. 496–524; 1872. № 12. С. 600–663; Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Восточной Церкви от конца XI до середины XV в. СПб., 1998; Συκουτρής Ι. Περί τὸ σχίσμα τῶν Ἀρσενιατῶν // Ἑλληνικά. 1929. Τ. 2. Σ. 267–332; 1930. Τ. 3. Σ. 15–44; 1932. Τ. 5. Σ. 107–126; Κοντογιανοπούλου Α. Το σχίσμα τῶν Ἀρσενιατῶν (1265–1310). Συμβολή στην μελέτη της πορείας και της φύσης του κινήματος // Βυζαντικά. 1998. Τ. 18. Σ. 179–235.

Тем не менее, на фоне системного кризиса византийского общества интеллектуальная жизнь не просто была ключом, но и обрела новое измерение. Такое совпадение не является случайным.¹ Вопрос о закономерности интенсификации духовных и культурных процессов именно в условиях кризиса требует системного подхода с привлечением работ в области истории, социологии, психологии и иных дисциплин. Одна из граней культурного ренессанса в Византии XIV–XV вв. — расцвет аскетической письменности. Вообще, надо заметить, византийская патристика являет весьма существенный информационный пласт для уяснения, в том числе, специфических форм византийского социума. Прежде всего патристика давала ответы на запросы духа, генерировала государственно-идеологические установки, обосновывала политическую систему, упорядочивала быт. Поэтому не удивительно, что отдельные исследователи и целые научные школы не считали нужным и не могли дистанцироваться от соответствующего пласта источников.

Как и в какой мере, византийская патристика и богословие оказывали влияние на формирование и функционирование византийского общества, и, наоборот, в какой мере запросы духа определялись проблемами общества? Вопрос о мере и механизмах этого взаимовлияния есть не просто один из вопросов, который закономерен и необходим в рамках целостного, «холистского подхода» к объекту исторического исследования.² Это, по-видимому, один из ключевых вопросов, позволяющих понять византийское общество, усвоить именно специфические, то есть «цивилизационные особенности византийской цивилизации».³

Парадоксальное сочетание системного кризиса и идейного возрождения в византийском обществе конца XIII–XV вв. может быть описано; уяснить же его сущность, оставаясь в плоскости событийной истории, невозможно. Ведь совокупность свойств человеческой истории является отражением свойств человеческого существа. И истоки парадоксального сочетания противоположных исторических динамик следует искать в противоречивости самой человеческой личности. Ещё в IV в. святой Василий Великий умилённо рассуждал о человеке, как о «животном кротком и общительном». А соратник Василия, святой Григорий Богослов сетовал: «Не знаю, есть ли животное более коварное и изменчивое, чем человек?»

¹ Медведев И. П. Византийский гуманизм... С. 12–13.

² Lloyd Ch. *Methodologie of Social History. A Critical Survey of Structuralism // History and Theory*. 1999. V. 30/2. P. 189.

³ Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005. С. 8, 83 и далее (Гл. IV: Сакральный характер византийского социума).

Конечно, и в голову не придёт мысль выяснять правоту или ошибочность одного из двух суждений. Удивительно то, что оба правы. Собственно, и удивление по поводу исторических перипетий есть удивление о человека, о его непредсказуемой высоте и о его непредсказуемой же низости.

Соответственно, наиболее обоснованной представляется персоналифицировано-ориентированная стратегия исторического исследования. Этим и обусловлен интерес именно к конкретному персонажу данной эпохи, к его самосознанию, ценностям и осознанной мотивации. Впрочем, и само утверждение гуманистических ценностей и гуманитарных приоритетов требует от историка интереса не только к эпохе, но и к идеальным образам эпохи в сознании её представителей.

Святой Феодит, митрополит Филадельфийский является представителем интересующей нас эпохи, отличающейся драматизмом и контрастным сочетанием противоположных тенденций. Здесь я должен оговорить то обстоятельство, что интерес к личности святителя Феодита обусловлен не только указанными методологическими приоритетами. Интересен сам Феодит и его письменное наследие. Редкие ссылки, встречающиеся, в том числе, в современных публикациях, свидетельствуют о том, что наследие филадельфийского митрополита остаётся не изученным. О комплексном анализе соответствующих текстов говорить вообще не приходится. А между тем отражение эпохи в его произведениях позволяет существенно развить наши представления об идейно-политических, социо-психологических реалиях византийского общества. В частности, представляется возможным под новым углом зрения проанализировать арсенинское движение, сотрясавшее общество и церковь на рубеже XIII-XIV вв., значительно изменить существующий в данное время взгляд на проблему генезиса традиции поздневизантийского исихазма, движения, по сути ставшего идеологическим оплотом гибнущей империи. Действительно, и арсенинская схизма, и исихастские (паламитские) споры — явления не только лишь внутрицерковные.

Движение арсенинов, о котором пойдёт речь, имело облик церковного раскола, но, по сути — это мощная и пёстрая по социальному составу оппозиция династии Палеологов. Сам же династический кризис отразил целый комплекс идейно-политических и социально-экономических проблем византийского общества. Соответственно и противостояние в годы арсенинской схизмы партии «политиков» и партии «зилотов» — «строгих и умеренных»¹ — затрагивало и иные общегосударственные проблемы. «Требование точного соблюдения церковных канонов было в сущности

¹ Троицкий И. Е. Арсенин и арсенины // Христианское чтение. 1872. № 12. С. 632

требованием радикальной реформы всех и церковных, и политических, и социальных порядков и отношений». ¹ Подобным образом и развитие доктрины и практики исихазма не ограничилось рамками монашеского сообщества, но охватило ключевые сферы политической, интеллектуальной и культурной жизни империи. Итак, византийские проблемы, которые нам предстоит рассмотреть, носили системный характер.

Наконец, акцентируя актуальность данного исследования, да и вообще, всякого исследования в области византистики, я должен исповедать, как некий постулат, генетическую связь Российского настоящего с византийским наследием. Значит, разработка соответствующей тематики имеет не только научно-исторический интерес, но создаёт предпосылки к пониманию церковно-политических, да и духовно-практических проблем новейшего времени. Исторический путь нашего Отечества и характер политических изменений в современной России позволяет говорить, в том числе, о политической злободневности поднимаемых вопросов. Соотнесение проблематики XIII-XIV вв. с современностью оказывается возможным при указанном целостном подходе к византийской цивилизации, рассматриваемой нами в качестве исторической парадигмы. ²

История изугения наследия митрополита Феополита

Письменное наследие филадельфийского митрополита в большинстве своем попало в поле зрения исследователей в середине XX в. Те же немногочисленные сведения о Феополите, которые были доступны в XIX в., а именно неполный текст двух его поучений, содержащихся в сборнике «Добротолюбие», ³ и публикации Ж.-Ф. Буассонада, ⁴ не могли послу-

¹ В этом смысле И. Е. Троицкий проводил параллель между движением арсенистов и реформаторскими соборами на западе (Там же. С. 661).

² Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации... С. 9.

³ Φεολήπτου μητροπολίτου Φιλαδελφείας λόγους... // Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν νηπτικῶν. Βενετία, 1782. Σ. 855–862, 863–865. Следует отметить, что содержание одного из двух поучений Феополита, включённых составителями в сборник, является неполным и содержит не более 15 % всего текста. Эту неполноту восприняли все последующие переиздания и переводы сборника на иные языки.

⁴ Речь — об издании в 1833 году Ж.-Ф. Буассонадом «Похвального слова митрополиту Феополиту», составленного Никифором Хумном, и о публикации в 1844 г. в издании *Anecdota Nova* эпистолярного наследия Никифора Хумна; пять писем этого наследия адресатом своим имели Феополита (Νικηφόρου τοῦ Χοῦμνου ἐπιτάφιος εἰς τὸν μακάριον καὶ ἀγιότατον μητροπολίτην